Эфирный маятник в Серебряном форте

Евгений Фюжен

Евгений Фюжен

Эфирный маятник в Серебряном форте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73305868
SelfPub; 2026

Аннотация

В альтернативном мире Серебряного форта эфирный маятник открывает тайны магии и интриг. Герои проходят через динамичные приключения, битвы и открытия в исторически окрашенном фэнтези (с элементами 18-19 вв.).

Содержание

Глава 1. Ссылка на край небес 4
Глава 2. Неучтенная единица 10
Глава 3. Бал призраков 17
Глава 4. Визит инквизитора 24
Глава 5. Гамбит на шестеренках 31
Глава 6. Дуэль без выстрелов 38
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Эфирный маятник в Серебряном форте

Глава 1. Ссылка на край небес

Шагоход «Борей-IV» с трудом переставлял суставчатые латунные ноги, царапая когтями обледенелый базальт. Пар из сопел вырывался с таким свистом, словно машина, подобно своему седоку, тяжело вздыхала, проклиная судьбу.

Граф Валериан Зорин откинул запотевший визор шлема и вдохнул разреженный воздух. Здесь, на перевале Пяти Ветров, пахло озоном, мокрым камнем и одиночеством. Внизу, в сиреневой дымке, расплывалась Империя – далекая, суетливая, забытая. А вверху, над зубцами скал, медленно сходились в зените два светила: багровое Старое Солнце и яростно-белое Новое.

– Ну же, жестянка, – лениво прикрикнул Зорин, дернув рычаг подачи эфира. – Не умирай раньше времени. Нам еще нужно представиться коменданту.

Впереди, вырастая из скалы словно нарост из серебра и гранита, висел Серебряный форт. Он не был похож на военное укрепление. Скорее, это напоминало забытый богами астрономический прибор, брошенный великаном в горах. Башни, опутанные паутиной медных кабелей, шпили-громо-

отводы, ловящие статические разряды облаков, и ни единой живой души на стенах.

Зорин ожидал увидеть часовых, услышать барабанную дробь или хотя бы лай полковых псов. Но форт встретил его тишиной, какая бывает только в склепах или в приемных очень важных министров перед обедом.

Ворота были распахнуты. Одна створка, огромная, обшитая листами гальванизированной стали, жалобно скрипела на ветру. Зорин направил шагоход во внутренний двор. Копыта машины гулко цокнули по брусчатке. Двор был пуст, если не считать кучи пустых ящиков из-под «Казенного Эфира №5» и старого, облезлого павлина, который сидел на дуле крепостного орудия и меланхолично клевал бронзовую мушку.

– Эй! – крикнул Зорин, и голос его отразился от стен многократным эхом. – Есть тут кто-нибудь живой? Или всех унесла холера?

Дверь караулки, висящая на одной петле, со скрипом отворилась. На порог выкатился, именно выкатился, а не вышел, круглый человечек в расстегнутом мундире прапорщика интендантской службы. В одной руке он держал надкушенный соленый огурец, в другой – огромную сургучную печать. Глаза его, мутные спросонья, выражали крайнюю степень изумления, граничащую с испугом.

– Кто таков? – сипло спросил прапорщик, пряча огурец за спину. – По какому ведомству? Если насчет поставок угля,

так мы заявку еще в прошлом году аннулировали. Мы теперь на атмосферном электричестве… экономим-с.

Зорин заглушил двигатель шагохода. Машина присела, выпустив последнее облако пара, и замерла. Граф элегантно, насколько позволяли затекшие ноги, спрыгнул на камни. Его ментик с серебряным шитьем был покрыт дорожной пылью, но осанка выдавала столичную выправку.

– Ротмистр Зорин, – представился он, снимая перчатку. – Прибыл из столицы для прохождения службы в распоряжение полковника фон Штромберга. Вот предписание.

Прапорщик поперхнулся воздухом, выронил печать, которая покатилась к ногам Зорина, и как-то странно замахал руками.

– Зорин? Тот самый, что написал эпиграмму на канцлера? «Ум его подобен паровому котлу – шума много, а тяги нет»?

– Цитата неточная, но суть верна, – холодно заметил Валериан. – Где полковник?

Прапорщик поднял печать, обдул ее и грустно вздохнул.

– Полковник фон Штромберг, ваше благородие, изволили скончаться-с. Третьего дня как три года исполнилось.

– Как скончался? – Зорин поднял бровь.

– От тоски-с, – охотно пояснил прапорщик. – Вышел на балкон, посмотрел на облака, сказал: «Всё тлен и суета», да и прыгнул вниз. Вместе с парадным мундиром и саблей. Мы его потом неделю в ущелье искали, да куда там…

Зорин огляделся. Двор форта вдруг показался ему еще бо-

лее унылым.

– И кто же теперь командует?

– А никто, – развел руками прапорщик. – Я вот, Тулий, заведую складом. Еще есть повар, глухой, как тетерев. И фельдшер, который спирт из компасов выцеживает. А больше никого. Гарнизон расформирован за ненадобностью. Граница-то спокойная. Горцы теперь мирные, они электричество воруют, им воевать некогда.

– Блестяще, – пробормотал Зорин. – Сослан командовать кладбищем.

Тулий засеменил вперед, указывая путь к офицерскому флигелю.

– Вы не извольте гневаться, ваше благородие. У нас тут тихо. Воздух целебный. Виды – загляденье. Опять же, библиотека у полковника осталась богатая. Спиритизм, механика, романы про любовь…

Комната, отведенная Зорину, была просторной, холодной и высокой, как готический неф. Пыль лежала на мебели бархатным слоем. Огромное окно выходило прямо в бездну. Облака проплывали мимо, задевая стекло мягкими белыми боками.

Оставшись один, Зорин бросил дорожную сумку на кушетку и подошел к окну. Старое Солнце уже скрылось, Новое заливало горы мертвенно-бледным светом. Он достал из кармана портсигар, щелкнул крышкой.

«Вот и конец, – подумал он, глядя на свое отражение в

темном стекле. – Герой, дуэлянт, философ. И где я теперь? В каменном мешке, наедине с призраком полковника и провороваВшимся прапорщиком. Право, судьба имеет прескверное чувство юмора».

Он достал путевой дневник, обмакнул перо в дорожную чернильницу и вывел дату.

«9 февраля. Прибыл. Место сие напоминает преддверие Ада, но без огня. Скука здесь, должно быть, материальна, ее можно резать ножом и намазывать на хлеб вместо масла…»

Внезапно перо замерло.

Стены форта, казалось, вибрировали. Это был не звук ветра и не гул механизмов. Откуда-то снизу, из глубоких подвалов, доносилась музыка. Тонкая, едва слышная, но отчетливая мелодия клавесина играла нечто сложное, математически выверенное и безумно печальное. Фуга Баха, исполненная на расстроенных струнах нервной системы.

Зорин приложил ухо к полу.

– Тулий! – крикнул он, выходя в коридор.

Прапорщик возник из темноты со свечой, жуя все тот же огурец.

– Что это за звуки, любезнейший? Вы говорили, гарнизона нет. Кто играет?

Тулий побледнел и перекрестился левой рукой.

– Не извольте беспокоиться, ваше благородие. Это в северном крыле. Замурованном. Там… там наука шалит.

– Какая еще наука?

– Нечистая-с, – шепотом ответил Тулий, оглядываясь. – Доктор там живут. Амалия Карловна. И… *Оно*.

Зорин усмехнулся. Скука, еще минуту назад казавшаяся вечной, вдруг дала трещину.

– Доктор, говорите? И Оно? – Граф поправил воротник и положил руку на эфес шпаги. – Что ж. Кажется, в этом склепе покойникам не спится. Велите подать ужин, Тулий. И вина. Думаю, ночь будет долгой.

Где-то в недрах горы клавесин взял немыслимо высокий аккорд и оборвался, сменившись тяжелым, ритмичным гудением, от которого задрожали стекла в оконных рамах. Серебряный форт начинал просыпаться.

Глава 2. Неучтенная единица

Сон не шел. Жесткая казенная кушетка напоминала прокрустово ложе, а тишина в комнате была обманчивой. Стоило закрыть глаза, как вибрация, исходившая из недр горы, начинала отдаваться в зубах мелкой, назойливой дробью. Это было похоже на то, как если бы где-то глубоко под полом огромный шмель бился в стеклянную банку.

Зорин встал, накинул ментик на плечи и зажег масляную лампу. Пламя дрогнуло, вытянув длинную коптящую тень.

– К черту, – сказал он пустоте. – Если уж мне суждено сойти с ума в этой дыре, то я предпочитаю делать это в хорошей компании.

Он вышел в коридор. Сквозняк, гуляющий по каменным плитам, пах пылью и озоном – странная смесь, напоминающая запах старых книг, которые забыли под грозой. Прапорщик Тулий, должно быть, спал в своей каморке, видя сны о бесконечных запасах соленых огурцов, потому что форт был абсолютно пуст.

Зорин шел на звук. Гул усиливался по мере того, как он спускался по винтовой лестнице, ведущей в так называемое Северное крыло. Ступени здесь были покрыты слоем странного зеленоватого мха, который едва заметно фосфоресцировал. На стенах вместо имперских гербов висели ржавые таблички с полустертыми надписями: *«Осторожно! Эфир-*

ная индукция!» и *«Вход воспрещен лицам с кардиостимуляторами и слабой психикой»*.

В конце коридора обнаружилась массивная дверь, обитая листами меди. Она не была заперта, но ручка была горячей, словно за дверью топили печь. Зорин, повинуясь инстинкту офицера – идти навстречу опасности, чтобы поскорее с ней покончить, – налег плечом.

Дверь поддалась с тяжелым, влажным вздохом.

То, что открылось его глазам, меньше всего походило на военный объект. Это был собор. Собор механики и электричества.

Огромный зал, уходящий сводами в темноту, был заставлен причудливыми агрегатами. Стеклянные колбы размером с человеческий рост бурлили, перегоняя разноцветные жидкости. Медные трубы змеились по стенам, сплетаясь в узлы, напоминающие анатомические атласы. В воздухе висела паутина из тончайших проводов, по которым то и дело пробегали голубые искры.

А в центре этого хаоса возвышалось *Оно*.

Это был исполинский шкаф из полированного красного дерева и латуни, высотой в два этажа. Его фасад был усеян тысячами циферблатов, стрелок, переключателей и вакуумных ламп, которые мерцали теплым янтарным светом. В самом центре конструкции, словно глаз циклопа, пульсировала огромная линза, внутри которой вращался вихрь серебристого тумана.

– Ля-бемоль, майн либер, ля-бемоль! Ты опять фальшивишь в третьей октаве! – раздался звонкий, раздраженный голос.

Зорин перевел взгляд вниз. У подножия гигантской машины, стоя на стремянке, возилась странная фигура. На ней были широкие мужские брюки, перепачканные маслом, жилет на голое тело и сварочные очки, сдвинутые на лоб. Коротко стриженные рыжие волосы торчали во все стороны, как проволока под напряжением.

Женщина (а это несомненно была женщина, несмотря на наряд) яростно крутила гаечным ключом какой-то вентиль, одновременно держа в зубах длинный мундштук с дымящейся папиросой.

– Я не фальшивлю, Амалия, – ответил машине густой, рокочущий бас, который, казалось, исходил отовсюду сразу: из ламп, из труб, даже из пола. – Это не фальшь. Это художественная интерпретация. И вообще, у меня падает давление в третьем контуре. Мне грустно.

Зорин кашлянул. Звук вышел громким, как выстрел.

Женщина на стремянке вздрогнула, выронила ключ (тот со звоном ударился о металл и исчез в недрах машины) и резко обернулась. Она уставилась на Зорина, щурясь от дыма.

– А вы еще кто такой? – спросила она требовательно. – Очередной ревизор? Если вы насчет перерасхода графитовых стержней, то идите к дьяволу. Мы заняты. Мы ищем

смысл жизни и калибруем гигрометр.

– Ротмистр Зорин, – представился граф, с интересом разглядывая эту сцену. – Новый комендант этого… сумасшедшего дома. А вы, смею предположить, тот самый «доктор»?

Она спрыгнула со стремянки с кошачьей грацией, вытерла масляные руки о штаны и протянула ладонь. Рукопожатие у нее было крепким, мужским.

– Доктор Амалия фон Клок. Ведущий эфиро-инженер, магистр прикладной демонологии и почетный член Академии Парадоксов. А это, – она небрежно махнула рукой в сторону гигантского шкафа, – Консул. Аналитический Агрегат Модели 7. Старый ворчун и единственный собеседник в радиусе ста верст, чей интеллект превышает уровень табуретки.

– Приветствую, – прогудел Консул. Стрелки на его панели дрогнули, а янтарные лампы на миг сменили цвет на индиго. – У вас, ротмистр, пуговица на ментике вот-вот оторвется. Вероятность 94 процента в ближайшие три минуты.

Зорин инстинктивно коснулся мундира. Пуговица действительно висела на одной нитке.

– Благодарю, – пробормотал он, чувствуя себя несколько неуютно под «взглядом» машины. – И чем же занимается этот… джентльмен? Тулий говорил, он управляет погодой?

– Управляет? Ха! – Амалия затянулась папиросой. – Это слишком грубое слово. Он *договаривается* с ней. Консул – это сложнейший нейро-кристаллический мозг, созданный

полвека назад для терраформирования. Но проект закрыли, финансирование урезали, а нас забыли списать. Теперь мы сидим здесь, как две забытые в шкафу моли, и развлекаемся тем, что не даем этому проклятому ущелью замерзнуть окончательно.

– Мне скучно, Амалия, – снова прогудел Консул. Его голос был полон трагизма, достойного шекспировского короля. – Мои конденсаторы переполнены меланхолией. Я хочу грозу. Настоящую, с фиолетовыми молниями и запахом серы.

– Никакой грозы! – отрезала Амалия. – В прошлый раз ты сжег стадо коз у горцев. Они потом неделю приносили к воротам жареное мясо в качестве жертвы.

– Это было красиво, – парировал Агрегат. – И статистически оправдано. Козы всё равно были старые.

Зорин прошел вглубь зала, касаясь рукой холодных медных труб.

– Позвольте, – сказал он, оборачиваясь к доктору. – Вы хотите сказать, что эта машина разумна?

– Настолько же, насколько разумны вы или я, граф, – усмехнулась Амалия, поправляя очки. – Возможно, даже больше. У него нет гормонов, зато есть доступ к библиотеке Конгресса за последние двести лет. Правда, у него скверный характер. Он мнителен, обидчив и обожает плохие стихи.

– Лермонтова люблю, – вставил Консул. – «И скучно, и грустно, и некому руку подать…» Очень точно описывает

состояние моего блока питания.

Зорин почувствовал, как уголки его губ ползут вверх. Сюрреализм происходящего начал ему нравиться. Это было лучше, чем тоскливые вечера в офицерском собрании столицы.

– Значит, мы с вами, любезный Консул, в одной лодке, – сказал Зорин, обращаясь к центральной линзе машины. – Я тоже сослан сюда за излишнюю… активность ума.

– Я просканировал ваше досье, пока вы спускались по лестнице, – сообщил Агрегат. – Пасквили, дуэли, карты. Коэффициент социальной безответственности высокий. Мне нравится. Вы будете полезны.

– Полезны? Для чего?

Вместо ответа Амалия подошла к пульту управления и резко дернула рычаг.

– Смотрите на барометр, граф!

Стены зала снова завибрировали. Внутри стеклянной линзы Консула закружился вихрь. Снаружи, за толстыми стенами форта, раздался грохот, перекрывший вой ветра.

Зорин бросился к узкому окну-бойнице.

Небо над ущельем, еще минуту назад чистое и звездное, стремительно заволакивало тяжелыми, свинцовыми тучами. Они закручивались в спираль прямо над шпилем форта. Снег пошел не вниз, а вверх, нарушая все законы гравитации.

– Что он делает? – крикнул Зорин, перекрывая гул.

– Он создает *настроение*! – крикнула в ответ Амалия, и в её глазах плясали безумные огоньки ученого-фанатика. – Консул утверждает, что при таком давлении ему лучше думается о бренности бытия!

Грохнул гром, и яркая вспышка молнии озарила лабораторию, выхватив из полумрака латунную табличку на боку машины: *«Собственность Императорского Величества. При обнаружении разума – уничтожить немедленно»* .

Зорин отступил от окна. Пуговица на его ментике наконец не выдержала и с тихим звяканьем упала на пол.

– 100 процентов, – удовлетворенно констатировал Консул. – Ну что, господа, сыграем в преферанс? Карты я уже сгенерировал.

Граф Валериан Зорин поднял пуговицу, посмотрел на Амалию, которая закуривала новую папиросу от электрической дуги, на гигантский мыслящий шкаф, управляющий ураганом, и впервые за полгода искренне рассмеялся.

– Сдавайте, – сказал он. – Кажется, ссылка перестает быть томной.

Глава 3. Бал призраков

Игра в преферанс закончилась полным разгромом человечества. Консул, не имея рук, играл виртуальными картами, проецируя их на поверхность стола, и бессовестно считал вероятности. Зорин проиграл свои шпоры, Амалия – три литра чистейшего этилового спирта из запасов лазарета.

– Скука, – констатировал Агрегат, погасив проекцию бубнового туза. – Ваш интеллект, господа, приятен, но предсказуем. Мне не хватает хаоса. Мне не хватает… человеческой глупости в промышленных масштабах.

Зорин сидел на ящике с инструментами, вертя в руках бокал с дешевым кислым вином, которое добыл интендант Тулий. В полумраке лаборатории, под гудение трансформаторов, ему вдруг нестерпимо захотелось увидеть огни столицы. Не ради ностальгии, а ради того, чтобы убедиться, что тот мир все еще существует.

– Послушай, ящик с лампами, – лениво протянул граф. – Ты хвастался, что в твоей памяти хранится вся светская хроника за полвека. А сможешь ли ты… воссоздать её?

– Уточните запрос, – щелкнуло реле.

– Бал, – Зорин встал и картинно повел рукой. – Императорский Зимний бал. Тот самый, с которого меня выставили. Я хочу видеть эти лица. Хочу слышать шорох шелка и фальшивый смех. Сможешь ли ты, машина, создать иллю-

зию жизни?

Амалия фыркнула, протирая ветошью медный патрубок:

– Не проси его, Валериан. В прошлый раз он спроецировал оперу «Жизнь за Царя», но басы были такие, что у нас полопались все колбы с реактивами.

– Вызов принят, – перебил ее Консул. Его линза налилась фиолетовым светом. – Загружаю протоколы: «Тщеславие», «Лицемерие», «Мазурка». Активация голографических эмиттеров. Приготовьтесь, органика. Сейчас будет… светски.

Воздух в лаборатории сгустился. Запахло не озоном и машинным маслом, а вдруг – пудрой, дорогими духами и тающим воском свечей. Стены, увитые трубами, дрогнули и поплыли. Ржавое железо начало таять, превращаясь в белый мрамор колонн. Гул генератора изменил тональность, распадаясь на звуки скрипок и виолончелей.

Зорин зажмурился, а когда открыл глаза, он стоял не в подвале форта, а посреди огромной бальной залы. Потолок уходил в бесконечную высь, сверкали люстры, и сотни пар кружились в танце.

Но что-то было не так.

– Очаровательно, – прошептала Амалия, которая теперь стояла рядом с ним не в рабочем комбинезоне, а в странном полупрозрачном платье, сотканном из математических формул (видимо, так Консул интерпретировал её наряд). – Но взгляни на них внимательнее, граф.

Зорин присмотрелся. Консул не просто копировал реальность, он ее *анализировал*.

Гости бала были карикатурами, гротескными отражениями своей сути. Вот проплыл генерал фон Бюлов – тучный старик с бакенбардами. Но вместо орденов на его груди висели гири с надписями «Казнокрадство» и «Подагра», а вместо головы у него периодически возникал пыхтящий медный чайник.

Светские дамы, порхающие в вальсе, напоминали хищных птиц. Их веера были сделаны из острых скальпелей, а улыбки были настолько широкими, что открывали не зубы, а ряды жемчужных капсул с ядом.

– Гениально, – пробормотал Зорин, делая глоток своего кислого вина, которое в этой иллюзии выглядело как искрящееся шампанское. – Ты видишь их насквозь, железный дьявол.

– Я вижу данные, – прогудел голос Консула, который теперь звучал как голос распорядителя бала, усиленный рупором. – Графиня Бельская. Уровень искренности: 3%. Содержание силикона и ботокса превышает норму. Мыслительный процесс сосредоточен на интриге с гусарским корнетом.

Зорин шел сквозь толпу призраков. Они не замечали его, проходя сквозь него, как холодный туман. Он чувствовал странное мстительное удовлетворение. Все эти люди, которые судили его, которые шептались за его спиной, теперь были лишь набором фотонов и электрических импульсов.

– Валериан…

Этот голос он узнал бы даже на краю света. Зорин замер. Сердце, которое он считал давно превратившимся в кусок антрацита, болезненно сжалось.

У колонны стояла Она. Княжна Варвара.

Консул воссоздал её пугающе точно. Темные локоны, бледная кожа, глаза цвета грозового моря. Но, в отличие от остальных чудовищных гостей, она выглядела нормальной. Слишком нормальной.

– Это не она, – тихо сказала Амалия, подойдя сзади. – Это компиляция твоих воспоминаний и ее писем. Фантом.

Зорин не слушал. Он шагнул к призраку.

– Варя?

Голограмма повернула голову. В ее глазах не было жизни, только холодный блеск линз.

– Граф Зорин, – произнесла она голосом, лишенным интонаций. – Вы снова опоздали. Вазурка уже закончилась.

– Почему ты не ответила на мое последнее письмо? – спросил он, чувствуя себя идиотом, разговаривающим с облаком заряженных частиц.

Призрак улыбнулся, и в этой улыбке Зорин увидел жуткую «булгаковскую» чертовщину. Кожа на лице княжны на мгновение стала прозрачной, обнажив сложный часовой механизм черепа. Шестеренки крутились там, где должны были быть мысли о любви.

– Потому что это было экономически нецелесообразно,

Валериан, – ответила Варвара голосом Консула. – Твой социальный рейтинг упал. Твое поместье заложено. Химическая реакция, которую вы называете «любовью», завершилась выпадением осадка в виде разочарования.

– Ты жестока, – прошептал Зорин.

– Я логична, – парировала голограмма. – Ты искал во мне душу, а нашел лишь отражение своих амбиций. Мы все здесь – функции, Валериан. Переменные в уравнении Империи.

Вокруг них продолжался безумный бал. Чайники-генералы свистели, птицы-дамы клекотали. Оркестр играл что-то, похожее на похоронный марш, переложенный на ритм кадрили.

Зорин вдруг рассмеялся. Это был злой, отчаянный смех лермонтовского героя, который понял, что мир не просто зол, а смехотворно пуст.

– Хватит! – крикнул он, швырнув бокал в призрака Варвары. Стекло пролетело сквозь нее и со звоном разбилось о настоящую, ржавую трубу в стене.

– Команда «Стоп» принята, – равнодушно отозвался Консул.

Иллюзия схлопнулась мгновенно, как лопнувший мыльный пузырь. Мрамор исчез. Музыка оборвалась визгом. Светские львицы и важные сановники растворились в воздухе, оставив после себя лишь легкий запах озона и горелой проводки.

Они снова стояли в грязном, холодном подвале. Амалия

снова была в своем комбинезоне, доедая настоящее яблоко.

– Ну как? – спросила она, хрустя фруктом. – Полегчало?

Зорин провел рукой по лицу, стирая несуществующую паутину.

– Знаешь, Амалия… Я понял одну вещь.

– Какую же? Что нельзя пить кислое вино на голодный желудок?

– Нет. Я понял, что этот железный шкаф, – он кивнул на мерцающего Консула, – честнее, чем весь Петербург. В нем, по крайней мере, есть душа, пусть и работающая на переменном токе.

– Благодарю, – отозвался Агрегат. – Мой уровень эмпатии повысился на 0,4%. Но я рекомендую вам поспать. Завтра прибудет настоящий кошмар.

– Какой еще кошмар? – насторожился Зорин.

– Согласно расписанию дилижансов, которое я перехватил по телеграфу, к нам едет статский советник Плющ. Ревизор. И в отличие от моих фантомов, у него нет кнопки «выкл».

Зорин устало опустился на ящик.

– Ревизор… После того, что я сейчас видел, Плющ покажется мне милым домашним животным. Наливай, Амалия. Кажется, мы выпили еще не весь спирт.

В темноте подвала мигнула и погасла последняя искра – крошечный, заблудившийся осколок голограммы, похожий на бриллиантовую серьгу, которую когда-то носила женщина

с часовым механизмом вместо сердца.

Глава 4. Визит инквизитора

Утро выдалось таким пронзительно ясным, что от него болели глаза. Два солнца висели в небе, как злые, немигающие очи, освещая каждую трещину в кладке форта, каждый окурок, брошенный прапорщиком Тулием мимо урны, и каждую каплю масла на брусчатке.

Зорин стоял на крепостной стене, кутаясь в шинель. Голова его гудела после вчерашнего «эфирного вина», а душа, обнаженная ночным разговором с призраками, требовала тишины. Но тишины не предвиделось.

Снизу, со стороны серпантина, к форту ползло черное пятно. Это был не шагоход и не лошадь. Это был служебный паромобиль марки «Цензор-Бис» – угловатый, черный, похожий на движущийся гроб на колесах. Он двигался беззвучно и неотвратимо, выпуская струйки строго дозированного, сертифицированного пара.

– Едет… – простонал Тулий, выглядывая из-за плеча графа. Прапорщик был зелен лицом и держал в дрожащих руках амбарную книгу, из которой во все стороны торчали фальшивые накладные. – Ох, беда, ваше благородие. Статский советник Плющ. Человек-циркуляр. Говорят, он однажды оштрафовал гейзер за несанкционированный выброс кипятка.

Паромобиль остановился у ворот. Дверца с сухим щелч-

ком отворилась, и наружу ступила нога в безупречно начищенном, но немодном штиблете.

Модест Поликарпович Плющ был существом удивительным. Казалось, он родился уже в вицмундире, застегнутом на все пуговицы. Он был сух, сер и безликов, словно его вырезали из старой промокательной бумаги. Его лицо не выражало ни гнева, ни радости – только безграничную, вселенскую озабоченность несоответствием реальности утвержденным планам. В руках он сжимал пухлый портфель из крокодиловой кожи, который выглядел живее, чем его хозяин.

Зорин спустился во двор, лениво козырнув.

– Ротмистр Зорин. Комендант форта. С кем имею честь?

Плющ не ответил сразу. Он медленно снял пенсне, протер его замшевой тряпочкой, водрузил обратно и осмотрел Зорина с ног до головы, задержавшись взглядом на расстегнутом крючке воротника.

– Статский советник Плющ. Департамент Контроля Эфирного Оборота и Нравственности, – голос его скрипел, как перо по плохой бумаге. – М-да. Форма одежды нарушена. Брусчатка имеет сколы. А тот павлин на пушке… – он указал костлявым пальцем на птицу, – …он состоит на довольствии?

– Это символ полка, – соврал Зорин.

– Символы не едят казенный овес, – отрезал Плющ, доставая блокнот. – Запишем: «Нецелевое использование фа-

уны». Пройдемте к отчетности.

Началась пытка. Плющ двигался по форту не как человек, а как плесень – проникая во все щели. Он не замечал величия гор, он видел лишь «неогороженные обрывы». Он игнорировал уникальную архитектуру, отмечая лишь «отсутствие инвентарных номеров на гаргульях».

Тулий семенил сзади, поминутно вытирая пот лысиной. Зорин же с мрачным весельем наблюдал за этим театром абсурда.

– А это что? – Плющ остановился перед дверью в Северное крыло. Дверь, как назло, слегка вибрировала и светилась лиловым светом по контуру.

– Кладовая, – быстро сказал Зорин. – Старые веники, ведра…

– Веники не гудят в тональности си-бемоль, ротмистр, – сухо заметил Плющ. – Открывайте.

Когда дверь распахнулась, Амалия фон Клок висела вниз головой на трапеции под потолком, монтируя какой-то сложный узел на макушке Консула. Сам Агрегат в данный момент проецировал в воздухе трехмерную карту звездного неба, причем звезды были разноцветными и периодически подмигивали.

Плющ вошел в лабораторию. Он не удивился. Он не испугался. Он даже не моргнул. Он просто замер, как гончая, учуявшая дичь, и его ноздри хищно раздулись.

– Так, – произнес он, и от этого тихого слова звезды на

проекции Консула испуганно погасли. – Незаконная перепланировка казенного помещения. Эксплуатация неучтенного оборудования сверхтяжелого класса. И… – он посмотрел на Амалию, которая ловко спрыгнула на пол, – …гражданское лицо женского пола в зоне повышенной режимности.

– Я доктор наук! – возмутилась Амалия, поправляя очки. – А это – уникальный нейро-компьютер! Мы изучаем природу эфира!

Плющ подошел к Консулу. Гигантская машина и маленький сухой чиновник оказались лицом к лицу.

– Агрегат, – обратился Плющ к машине тоном, каким говорят с нерадивым дворником. – Где ваш технический паспорт? Где журнал учета смазочных материалов? Почему уровень шума превышает допустимые 40 децибел?

Линза Консула налилась багровым светом. В недрах машины что-то угрожающе заворчало.

– Я – Консул, – прогремел Агрегат голосом, от которого задрожали стекла в пенсне ревизора. – Я мыслю, следовательно, я существую. Я – вершина кибернетической эволюции Империи. Я знаю тайны Вселенной…

– Тон сбавьте, – перебил его Плющ, что-то быстро черкая в блокноте. – «Мыслит». В штатном расписании должность «философ» не предусмотрена. Значит, самовольное присвоение функций. Нарушение параграфа 18: «Оборудование должно выполнять строго регламентированные зада-

чи». Тайны Вселенной в перечень задач гарнизонного имущества не входят.

Зорин увидел, как стрелка давления на панели Консула метнулась в красную зону. Машина была в шоке. Она привыкла пугать, восхищать, подавлять интеллектом. Но она была бессильна перед существом, у которого вместо воображения была инструкция.

– Вы не понимаете! – вмешалась Амалия. – Он живой!

– Живое должно иметь свидетельство о рождении и платить подушный налог, – парировал Плющ, не отрываясь от письма. – У данного объекта нет ни души (согласно постановлению Синода от 1899 года механизмы бездушны), ни паспорта. Следовательно, это просто куча лома, потребляющая казенное электричество.

Он захлопнул блокнот с таким звуком, словно забил гвоздь в крышку гроба.

– Мое решение таково. Объект «Шкаф говорящий» – обесточить. Разобрать на цветные металлы. Полученную медь оприходовать в счет погашения растраты прапорщика Тулия. Доктора фон Клок – выслать в 24 часа. Ротмистра Зорина – под трибунал за попустительство хаосу.

В лаборатории повисла звенящая тишина. Даже гул трансформаторов стих.

– Разобрать? – переспросил Консул. Голос его стал тихим и неуверенным, как у обиженного ребенка. – Но я же… я же сочинил поэму о свойствах вакуума…

– Поэзия, не прошедшая цензуру, приравнивается к подрывному памфлету, – отчеканил Плющ. Он достал из портфеля рулон клейкой ленты с печатями и двинулся к главному рубильнику.

Зорин переглянулся с Амалией. В глазах «безумного доктора» читался ужас. Если отключить Консула сейчас, без длительной процедуры охлаждения, накопленная в его кристаллах эфирная энергия рванет так, что от Серебряного форта останется только кратер и воспоминания.

– Господин советник, – вкрадчиво начал Зорин, делая шаг вперед и преграждая путь Плющу. Рука его привычно легла на эфес шпаги, но он тут же отдернул ее. Дуэли с бюрократами не выигрывают сталью. – Вы упускаете одну деталь.

Плющ замер с занесенной лентой.

– Какую же?

– Форму № 86-Б, – импровизировал Зорин, вспоминая худшие кошмары канцелярской службы в столице. – «Акт о списании интеллектуальной собственности высокой категории сложности». Вы не можете разобрать его без подписи трех независимых экспертов и личного разрешения Министра Прогресса.

В глазах Плюща впервые мелькнуло что-то похожее на сомнение. Бюрократический инстинкт боролся с желанием уничтожить аномалию.

– Форма 86-Б… – пробормотал он. – Да, есть такая. Но она отменена циркуляром от марта прошлого года… Или

нет?

Пока Плющ рылся в своей памяти, Консул, осознав ситуацию, решил действовать.

– Внимание! – объявил он бесстрастным голосом вокзального диктора. – Обнаружена угроза целостности системы. Активация протокола защиты «Бюрократический Ад». Генерирую встречный запрос: требую предоставить справку о вакцинации вашей бабушки от ветрянки, заверенную нотариусом, умершим не позднее 1905 года. Без справки доступ к рубильнику запрещен.

Плющ застыл. Его лицо начало медленно наливаться пунцовым цветом. Он встретил достойного противника.

– Вы… вы требуете справку… у меня? – прошипел советник. – У меня?!

Зорин понял: война началась. И это будет битва не на жизнь, а на бумагу.

Глава 5. Гамбит на шестеренках

В лаборатории сгустилась атмосфера, какую можно встретить разве что в приемной Страшного Суда за минуту до оглашения приговора. Плющ стоял, выпрямившись в струнку, его пенсне хищно поблескивало, отражая огни приборных панелей. Напротив него, гудя и перемигиваясь всеми цветами спектра, возвышался Консул – гора латуни и интеллекта, решившая защищать свое право на жизнь единственным доступным ей оружием: бюрократией.

– Справку, говорите? – голос Плюща стал тихим и шелестящим, как сухая трава. – О бабушке? Вы, бездушный механизм, смеете апеллировать к родственным связям?

– Согласно Уложению о гражданских состояниях, том 4, статья 12, пункт «б», – металлическим голосом отчеканил Консул, – любое лицо, взаимодействующее с оборудованием класса «Стратегический», обязано подтвердить отсутствие наследственных ментальных девиаций. Ветрянка в 19-м веке часто давала осложнения на мозг. Я забочусь о безопасности Империи. А вы?

Плющ дернулся, словно получил пощечину перчаткой. Он открыл рот, закрыл его, затем медленно, с пугающей методичностью, расстегнул портфель.

– Хорошо, – сказал он. – Вы хотите играть по правилам? Мы будем играть по правилам. Но учтите, жестянка: я знаю

наизусть все поправки к своду законов, включая те, что написаны мелкими буквами на полях.

Он извлек пачку бланков, чернильницу-непроливайку и перо с золотым наконечником.

– Пишите запрос. Официально. В трех экземплярах. С гербовой печатью.

Амалия, наблюдавшая за сценой с ужасом и восхищением, шепнула Зорину:

– Валериан, у Консула нет рук. Как он напишет?

Зорин не успел ответить. Из боковой панели Агрегата с шипением выдвинулся манипулятор, похожий на паучью лапу, в котором был зажат грифель. Одновременно с другой стороны выехал рулон перфоленты.

– Диктуйте формулировку, – прогудел Консул. – Скорость печати – 400 знаков в минуту.

Началось безумие.

Это была дуэль, не имеющая аналогов в истории. Плющ сыпал номерами циркуляров, требуя предоставить «Акт о соответствии уровня вибраций нормам тишины в ночное время». Консул парировал, ссылаясь на «Указ о приоритете научных изысканий над сном гражданских лиц в военное время».

Бумага летела во все стороны. Перфолента змеилась по полу, обвивая ноги Амалии и Зорина. Плющ строчил с такой скоростью, что от его пера шел дымок. Консул гудел, перегреваясь, его вентиляторы выли, как взлетающий аэроплан.

– Требую инвентаризацию всех винтов в корпусе! – взвизгнул Плющ, теряя самообладание. – С указанием года выпуска и завода-изготовителя!

– Запрос отклонен! – рявкнул Консул. – Винты являются неотъемлемой частью личности! Это нарушение права на физическую неприкосновенность! См. Билль о правах автоматонов, проект 1905 года!

– Проект не был утвержден! – торжествующе вскричал Плющ. – Ага! Попался! Вы ссылаетесь на несуществующий закон! Это подлог! Статья 328! Каторга!

Зорин видел, что Консул проигрывает. Логика машины была безупречна, но она была *прямолинейна*. Плющ же был мастером казуистики, он умел выворачивать смыслы наизнанку. Он был хаосом, упорядоченным в параграфы.

Лампы на панели Агрегата начали тускнеть.

– Перегрев логических цепей, – констатировал Консул слабым голосом. – Обнаружено логическое противоречие. Если я существую, но меня нет в документах, значит, документы ложны. Но документы – основа Империи. Значит, Империя ложна? Ошибка… Ошибка…

– Амалия! – крикнул Зорин. – Он сейчас сгорит! Делай что-нибудь!

Амалия металась вокруг пульта, дергая рычаги охлаждения.

– Я не могу переспорить бюрократа! Это выше сил физики!

И тут Зорина осенило. Он вспомнил сцену из третьей главы, когда Консул подделывал голоса.

– Консул! – крикнул он, перекрывая шум. – Пневмопочта! Канал связи с Дворцом!

Агрегат замер. Его единственный глаз-линза моргнул.

– Канал открыт, – отозвался он. – Но это нарушение субординации…

– К черту субординацию! – Зорин подскочил к машине и зашептал прямо в микрофон аудиоприемника. – Сымитируй голос… нет, не Императора. Это слишком опасно. Сымитируй голос *Его*. Того, кого Плющ боится больше смерти.

– Кого? – не понял Консул.

– Его непосредственного начальника. Тайного Советника Скалозуба.

Плющ, уже праздновавший победу и заносивший перо для финального акта о списании, вдруг замер.

Из раструба пневмопочты, торчащего из стены (который Консул ловко подключил к своим динамикам), раздался властный, скрипучий бас, от которого у любого чиновника подгибались колени.

– Плющ! Модест Поликарпович! Вы там уснули, что ли?

Плющ выронил перо. Он побелел так, что стал похож на свой собственный накрахмаленный воротничок. Он вытянулся в струнку перед трубой пневмопочты.

– Я… Ваше Высокопревосходительство… Я здесь! Провожу ревизию… Вскрыл чудовищные нарушения…

– Какие к черту нарушения?! – гремел голос Скалозуба (в исполнении Консула это звучало даже убедительнее оригинала, с добавлением ноток истерической тирании). – Вы что, газет не читаете? Вышел секретный циркуляр! Мы переходим на «Эфирную экономику»!

– Э… Эфирную? – пролепетал Плющ.

– Именно! – рявкнул голос. – Ваша задача – не списывать, а *интегрировать*! Мне доложили, что в Серебряном форте находится уникальный прототип погодного генератора. А вы что делаете? Пытаетесь разобрать будущее Империи на гайки? Вы что, саботажник, Плющ?

Плющ задрожал. Саботаж – это было страшное слово. За него не просто увольняли. За него стирали из архивов.

– Никак нет! – взвизгнул он. – Я… я как раз интегрирую! Я проверяю его устойчивость к стрессовым нагрузкам! Провожу, так сказать, ментальное тестирование!

– Тестирование окончено! – отрезал «Скалозуб». – Теперь слушайте приказ. Срочно составить отчет на тему: «Влияние лунного света на рост телеграфных столбов в условиях высокогорья». Это приоритетная задача Министерства Мистики. Срок – до утра. Объем – не менее трехсот страниц. Выполнять!

В трубе щелкнуло, и наступила тишина.

Плющ стоял, глядя в пустоту остекленевшим взглядом. Его мир перевернулся. Лунный свет? Телеграфные столбы? Это был бред. Но это был *приказанный* бред. А приказ на-

чальника для Плюща был священнее законов физики.

Он медленно повернулся к Зорину. В его глазах больше не было торжества, только панический ужас перед невыполненной задачей.

– Мне нужен кабинет, – прохрипел он. – И бумага. Много бумаги. И чернила. Лунный свет… Господи, где я возьму статистику по лунному свету?

Он схватил свой портфель и, спотыкаясь, бросился к выходу, бормоча под нос: «Коэффициент преломления… древесина столба… корреляция с приливами…»

Дверь за ним захлопнулась.

Зорин, Амалия и Консул остались одни.

Агрегат медленно выдохнул клуб пара.

– Фух, – сказал он совершенно человеческим тоном. – Мои нейроны чуть не завязались морским узлом. Этот человек страшнее вируса.

– Ты был великолепен, – улыбнулась Амалия, поглаживая теплый бок машины.

– «Влияние лунного света…» – Зорин покачал головой, и нервный смешок вырвался из его груди. – Ты понимаешь, что он будет писать это всю ночь? И ведь напишет! Он найдет взаимосвязь!

– Пусть пишет, – мрачно отозвался Консул. – Главное, я выиграл время. Но, господа, вы же понимаете, что это только отсрочка? Утром он отправит отчет. А когда в Министерстве его прочтут, они поймут, что никакого приказа не было. И

тогда за нами пришлют не клерка с портфелем, а батальон карателей с огнеметами.

Зорин перестал смеяться. Он подошел к окну. Ночь за стеклом была черной и холодной.

– Значит, у нас есть только эта ночь, – тихо сказал он. – Чтобы решить: сдаться или… сделать что-то безумное.

– Я голосую за безумие, – тут же откликнулась Амалия. – У меня в чертежах есть проект… теоретический. Если перенаправить энергию ядра Консула не на создание погоды, а на антигравитационные контуры самого форта…

Зорин обернулся к ней. В его глазах вспыхнул тот самый огонь, который когда-то заставлял его писать дерзкие стихи и вызывать на дуэль министров.

– Ты хочешь сказать, что мы можем… полететь?

– Весь этот форт – по сути, пробка в бутылке с эфиром, – пояснил Консул. – Если я «вышибу» пробку… мы взлетим. Или взорвемся. Шансы 50 на 50.

– Идеальное соотношение, – усмехнулся Зорин. – Ну что ж, коллега Плющ занят писаниной. А мы займемся… переездом.

Глава 6. Дуэль без выстрелов

Рассвет застал статского советника Плюща в состоянии, близком к религиозному экстазу. Он сидел за столом в кабинете коменданта, окруженный горами исписанной бумаги. Его пальцы были в чернилах по локоть, а глаза горели лихорадочным огнем мученика науки.

Труд «О корреляции лунных фаз и прироста древесины телеграфных опор в условиях разреженной атмосферы» был закончен. Это был шедевр бюрократического сюрреализма. Плющ вывел графики, доказал теорему о «лунной индукции» и даже предложил ввести налог на полнолуние.

С благоговейным трепетом он свернул манускрипт в тугой рулон, запечатал его сургучом и подошел к латунному раструбу пневмопочты.

– Лети, голубка, – прошептал он, вкладывая капсулу в трубу. – Лети к министру.

Он дернул рычаг отправки. Раздалось шипение, капсула со свистом ушла вверх… но через секунду звук изменился. Вместо удаляющегося гула послышалось глухое бряканье, словно кто-то спускал ведро с гайками по лестнице. А затем, с громким «чпоком», люк технического обслуживания под трубой распахнулся, и капсула с отчетом шлепнулась прямо в ведро с грязной водой, которую уборщица (она же повар, она же интендант Тулий) забыла убрать с вечера.

Плющ замер. Он смотрел на плавающий в помоях труд всей своей ночи. Затем он поднял взгляд на схему пневмопровода, висевшую на стене. Тонкая красная линия, обозначающая «Связь с Центром», была грубо перечеркнута, а поверх кто-то (почерк Амалии) написал углем: *«Труба ведет в котельную. Не бросать окурки!»*

В этот момент мир Модеста Поликарповича треснул. Иллюзия «приказа сверху» рассыпалась. Он понял всё. Голос из трубы. Справка о бабушке. Эфирная экономика. Над ним не просто посмеялись. Его святую веру в Систему использовали как половую тряпку.

Лицо Плюща из пунцового стало мертвенно-бледным. Он медленно вытер чернильные руки белоснежным платком, достал из кармана маленький, но очень надежный казенный револьвер системы «Довод» и двинулся к выходу. Теперь он был не чиновником. Он был инквизитором, идущим жечь еретиков.

В лаборатории кипела работа. Амалия висела на страховке где-то под куполом, приваривая толстые силовые кабели к несущим балкам форта. Искры сыпались дождем. Консул гудел на инфразвуковой частоте, пересчитывая массу здания.

– Мы не успеваем, – прохрипел динамик. – Валериан, давление в котлах только 60%. Если мы попытаемся оторвать форт сейчас, нас просто размажет по скале. Мне нужно еще полчаса.

Зорин стоял у входа, прислушиваясь. Шаги в коридоре

были не слышны, но он чувствовал приближение беды кожей.

– У нас нет полчаса, мой друг.

Дверь распахнулась от удара ноги. На пороге стоял Плющ. Он выглядел страшно: мундир расстегнут, пенсне разбито, а в руке дрожал револьвер, направленный прямо в стеклянный глаз Консула.

– Отойти от машины! – визгнул он. Голос сорвался на фальцет. – Это измена! Подлог! Хищение государственного времени в особо крупных размерах!

Амалия замерла под потолком с горелкой в руке. Зорин медленно поднял руки, показывая пустые ладони.

– Модест Поликарпович, – мягко начал он. – Опустите оружие. Вы же не убийца. Вы – хранитель закона.

– Закона нет! – крикнул Плющ. – Вы уничтожили его! Вы заставили меня писать бред про лунный свет! Вы унизили мой разум! Я уничтожу этот дьявольский ящик, даже если меня потом расстреляют!

Его палец побелел на спусковом крючке. До выстрела оставались доли секунды. Пуля, попавшая в линзу Консула, вызвала бы цепную реакцию, которая превратила бы гору в щебень.

– Я вызываю вас! – громко и четко произнес Зорин.

Плющ замер. Дуло револьвера дрогнуло.

– Что?

– Я вызываю вас на дуэль, статский советник, – Зорин

сделал шаг вперед, глядя Плющу прямо в глаза. – Согласно «Кодексу Чести Империи», редакция 1794 года. Оскорбление, нанесенное действием или словом, смывается поединком. Вы оскорблены моим обманом. Я оскорблен вашей узостью мышления. Мы не можем стреляться – это повредит казенное имущество. Мы будем драться на словах.

– Это фарс, – выплюнул Плющ. – Еще одна ваша уловка.

– Нет, – Зорин говорил серьезно, и в его голосе прозвучали те самые лермонтовские нотки – холодные, фатальные, стальные. – Вы ведь человек чести, Плющ? Вы служите Империи не за страх, а за совесть. Если вы сейчас выстрелите в безоружную машину, вы станете не ревизором, а вандалом. А если примите вызов – у вас есть шанс доказать, что ваша Правда сильнее моей.

Плющ колебался. В нем боролись ярость и въевшееся в подкорку уважение к регламенту. Дуэль – это было легитимно. Это было прописано в уставе дворянства.

– Условия? – хрипло спросил он, опуская револьвер, но не убирая его в кобуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.